

Следовательно, как Толстой, так и Унамуно понимают под религией не религиозное учение о мире и боге, а нравственное учение о смысле жизни. «Чтобы жить разумно, — утверждает Толстой в трактате «В чем моя вера?», — надо жить так, чтобы смерть не могла разрушить жизни»²⁰. «В нас живет неистребимое желание придать смысл Вселенной... это-то и заставляет нас верить в бога, хотеть, чтобы был бог, творить бога...»²¹. Бог же, по Унамуно, создается в человеке и человеком. То, чем человек хочет быть, это и есть бог.

Очевидно, что «вера» Толстого и Унамуно — это, в конечном счете, проявление их духовного максимализма, обоснование необходимости осмысленного существования. Как и «религия» русского писателя, «религия» Мигеля де Унамуно не столько вера (хотя это слово оба выносят в названия своих программных работ), сколько протест — протест против утраты большей частью общества, в котором они жили и которое исследовали, высоких представлений о назначении человека, о его счастье, против мнения о полном уничтожении духовного потенциала человеческой личности.

Как публицист Унамуно чрезвычайно близок Толстому в критике буржуазного строя, официального христианства, милитаризма, в критике научных знаний, культуры, искусства. При этом необходимо учитывать, что по мере творческой эволюции писателя изменялось и осмысление им тех или иных сторон мировоззрения Толстого. Примером могут служить раздумья Унамуно о толстовской теории «непротivления злу насиллием», природе войны и об отношении ее к прогрессу. «Есть люди, — писал он в одной из статей 90-х годов, — которые верят в справедливые войны и священные мечи. Против подобных извращений и сражается в настоящий момент Толстой, являя собой одно из самых прекрасных воплощений идеала, который еще только начинает брезжить»²². Унамуно периода написания работы «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» придерживается уже прямо противоположного мнения: «Дело в том, что в войне подчас больше человечности, чем в мире... Непротивление злу включает в себя сопротивление добру»²³.

В духе Толстого испанский писатель критикует европейскую буржуазную цивилизацию, верно подметив ее односторонность и бездуховность: «Да, да, я это вижу: невероятная политическая активность, могучая цивилизация, море науки, море искусства, море промышленности, море морали, а затем, после того, как мы достигли бы эпохи промышленных чудес, огромных фабрик, дорог, музеев, библиотек, мы упали бы обессиленными возле всех этих вещей; и прежним остался бы вопрос: для кого? Человек создан для науки или наука для человека?»²⁴. Знаменательно, что подобные взгляды Мигеля де Унамуно явились одним из пунктов полемики с ним другого выдающегося испанского философа XX в. Хосе Ортеги-и-Гассета. Сомнения Унамуно Ортега-и-Гассет противопоставляет свою веру в могущество европейской цивилизации. В письме 1906 г. он осуждает Унамуно за его критику идеи прогресса, лежащей в основе буржуазной цивилизации, и в качестве предостережения приводит «анти-европейский» трактат Толстого «В чем моя вера?»²⁵.

Унамуно сближает с Толстым также неприятие искусства для избранных. Влияние идей русского писателя прослеживается в статьях, напечатанных в 1890-е годы в социалистических и анархистских газетах и журналах: «Классовая борьба», «Социальная наука», «Белый журнал» и т. д. «Продукты искусства», по мнению Унамуно, должны быть предназначены

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 23, с. 389.

²¹ Del sentimiento trágico de la vida ... — «Ensayos», t. 2, Madrid, 1945, p. 851.

²² Unamuno M. de. Obras completas, t. IX. Madrid, 1971, p. 940.

²³ Unamuno M. de. «Ensayos», t. 2, p. 959.

²⁴ Unamuno M. de. «Ensayos», t. 2, с. 725.

²⁵ Ortega y Gasset J. Epistolario. Madrid, 1974, p. 74.